

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Керимова Динара Фикретовна

СТИХИ

*Когда бы не война – долой войну,
но не теперь – закончить надо эту...*

Здесь не летали прежде звонари
и боевые меткие цирконы.
Один народ другому говорил
про божьи нерушимые законы,
скрепленные не кровью, но водой
Днепра, Десны, Айдара и Оскола,
Таврической единой высотой,
советской, посему единой, школой,
не сеющей бессмысленной вражды,
взамен ее – товарищества зерна,
и всходы их широкой борозды – из
общего единственного корня,
питающего пыльное жнивье,
жнеца его, равнину и закраек.
Здесь Русь моя, и русское мое
начало никогда не умирает.

Здесь братство душ сильнее кровных уз,
и общий враг оставлен в прошлом веке,
здесь человек рос – не двухсотый груз,
а то, что он оставил в человеке, –
незримый след, впечатанный в века,
код времени и кодекс русской чести.
Здесь Родина – светла и широка –
приветствует советские войска,
единые и в мире, и в протесте.

Ничего, что сентябрь
 по-столичному категоричен,
не роняет слова понапрасну –
 стоит на своем.

На Крестовском мосту
 в пожелтевшем кленовом обличье,
мы ему не указ,
 пожелавшие сбиться вдвоем,
пожелавшие солнц
 вопреки грозовому прогнозу
на холодной земле,
 схоронившей отбившийся плод.

Ничего, что стихи
 собираются в скучную прозу,
ничего, что ее не читает квасной патриот
на осеннем ветру,
 разносящем тревожные вести
с облетевшей листвой
 по медвежьим и ближним углам.

Ничего, что потом им
 на новом тревожиться месте

И дольше день не века – только лета
В боях одних, куда ни ткни на картах,
Оно с невозвращенцами отпето
По свято-календарному стандарту,
Отпущенное с Богом, но не с миром,
Хоронится в тропических широтах,
Где зреют экзотический инжир и
Знакомое предчувствие чего-то
Похожего слегка на передышку,
Спокойный и спасительный починок,
Там знают о солдатстве понаслышке
Большие загорелые мужчины,
И время не сосчитано, не вшито
В армейский ежедневный распорядок,
Иными все на свете пережито –
Ракеты, минометы и снаряды
С холодными стальными лепестками,
Лежат они по осени особо,
И дольше день не века – пути к маме
По свежему опаду в Симферополь...

И я уже как будто бы не свет
Внутри несу опасно и робко,
А ответ лишь, уклончивый ответ
На вечно оставляемое в скобках,
Неважное по меркам и эпох,
И мест, переживающих их смену,
Я человек, застигнутый врасплох,
И календарь, повешенный на стену
Поверх других, и нет на мне креста
Ни одного пока что, даты целы,
И жизнь моя, как белый лист, чиста,
Никто меня не держит под прицелом,
Но каждый день сбивается и он,
Рисует крест рука на целых числах,
И я уже как будто крестный фон
Без имени, фамилии и смысла –
Сакрального вложения души,
Над телом обесцвеченным парящей,
И я уже не свет – ответ чужих
Огней, не мне единому светящих...

Когда бы лета тонкие края
не оборвать, растягивая эру
в отложенную правильную явь,
в оставленную истинную веру,
какой ее задумывал Господь
в своем доисторическом начале.
Когда бы не сробеть, не сбиться хоть
с единого, что с боем отзвучало,
с рассветом – собирателем границ,
свободных позывных и сбитых танков
на поле перечеркнутых страниц,
стальных и человеческих останков,
над ними поспевающий канун
еще одной тактической победы.
Когда бы не война – долой войну,
но не теперь – закончить надо эту...

Живи, как жил, пиши свои стихи
про СВО и прочее в контексте,
про парня, натурально от сохи,
солдата на своем рабочем месте
с три года как. На вахте рубежа
он чинит мост, пломбирует понтоны,
и каждый день солдатская душа
взмывает над прописанным кордоном,
взмывает и прощается уже.
Но дурой именуемая пуля
не попадает в старую мишень
ни в мае, ни в июне, ни в июле,
и жив солдат. И есть от смерти спас
как будто бы, гляди – стыкует шлюзы,
и складывается единый пазл –
мост мира от Адама до Иисуса...

Отмоли меня, мама,
 у бабьего русского лета,
Оно загодя воет, сшивает обрубки внахлест,
И под демпфером верным
 холодного бронежилета
Зарубцуются плоть
 и срастется подбитая кость.
Перешитый солдат
 соберется в лихую атаку,
И оскалится штык
 в богатырской умелой руке,
Кто из павших восстал,
 приобрел тот двойную отвагу,
И нагрудную славу,
 и славу в печатной строке.
Он родился опять,
 и врачи стетоскопом крестили
Рядового и Сына, а Божьего прежде раба.

И вокруг удивлялись
такой триединственной силе,
Но звучала в церквях и домах
непрестанно мольба.
Оттого и дышу, отправляя
бессмертную душу
На передний рубеж
за победой в армейской броне,
Отмоли меня, мама, покуда я Родине нужен
Одинаково в мире и на войне,
В мире и на войне...

Ничего не осталось –
 зачин заурядный, истертый,
только время зачина иного не ведает уж.
Перехожены все ли вокзалы и аэропорты
часовыми отправленных тел
 и ниспосланных душ.
Мы с тобой из таких,
 собираем неровные камни
слишком поздно, ведем
 провороненных шансов подсчет,
но не все ли равно,
 если буря утихла в стакане,
и в иное развитие действия
 вход воспрещен.
Несусветная чушь там
 и старая-старая сказка,
настоящая жизнь
 по-другому расставила все,

каждый в ней пропесочен –
 по-своему – каждый обласкан
и от худшего Господом,
 как говорится, спасен.
Благодарно прими
 предрешенные эти расклады,
как и все до тебя –
 не Тимошка поди раздает.
Ничего не осталось,
 а нам ничего и не надо,
мы свое отвоюем –
 воюем ведь лишь за свое...

С иссохшей ветки ягоду сними –
она сгодится закусью для хмеля –
и слушай, как рассказывают СМИ
по-своему секрет Полишинеля.
Метать им петли лишь бы круглый год,
пока ты чашу мертвую лакаешь,
пока аккумулялируешь в штрих-код
все то, что нехотя запоминаешь –
пароли, документы и ключи,
безддушных цифр сплошные вереницы,
наборы переменных величин –
они должны хотя бы раз сгодиться
до сброса позабывшего логин
и что-то там системное вдругорядь.
Но тверды Пушкин в памяти и гимн
разини, запивающего горе,
по-русски заедая моховой
смородиной, последней в это лето,
и знающего точно, что вот-вот
отпразднует еще одну победу...

Лето сгоняет с улиц сюжетный ход,
Долог Ярилин день, но июль ретив.
Мне бы хороших еще сочинить стихов,
Мне бы до сути самой в стихах дойти.
Чтобы читались в каждом земная глубь,
Рокот стальных орудий и женский плач.
Чтобы напев родился, народу люб,
Да и я стал будто бы не рифмач –
Кто-то весомее, автор сквозных цитат
(Их вышло в люди не больше,
пожалуй, двух).
Чтобы читал меня русский во рву солдат,
Школьник читал обязательно
в классе вслух,
И отзывалось в чистых больших сердцах,
Множило веру и всем придавало сил,
Честно хранило проверенного чтеца
Слово мое – Сохрани его и Спаси...

Апостол Петр хранит Петра-солдата,
их связь не просто именна, но свята и
в Пост Петров утроена, поди,
Петр держит штык и думает о рае,
когда живет и паче умирает
полей освобожденных посреди.
В саду апостол рубит Малху*
ухо,
пока солдат апостольский Петруха
латает прошлогоднюю кирзу,
и вопрошает Петр: «Камо грядеши,
когда отрытый угол всяк медвежий,
и не пришествует вновь Иисус,
когда я мал в масштабах макрокосма,
в твоих масштабах, тезка мой апостол,
что я для мира, тонкий душка твой,

* Малх – раб первосвященника, которому отрубил ухо один из апостолов, когда Малх участвовал в аресте Иисуса Христа в Гефсиманском саду.

хранишь ключи, а я – ДМН* память
и письма шлю жене, а чаще – маме,
что ворочусь когда-нибудь живой?»
Апостол тих, следит за подопечным –
одним в одном из вверенных отечеств –
и думает, что счастлив тот вполне,
кладет в карман ключи от поднебесья,
Апостол Петр бредет по божьим весям,
пока Петр остается на войне...

* До минования надобности (сокр. ДМН) – эта
метка в номенклатуре дел указывает, что
документация хранится до тех пор, пока в них не
отпадет надобность.

Июнь таков, не вскроешь – не поймешь,
Едины в нем дни памяти и скорби.
И оценен годами ни на грош –
То солнцепек, то дотемна в окопе
Латаешь час, отпущенный тебе,
Считая птиц и прочие прилеты,
У Бога манны просишь на обед,
А получаешь дождевые воды.
Услышит коль – грохочет все кругом,
Поди пойми, чего солдату надо,
А оказаться где-то далеко
И точно уж не стреляным солдатом,
Сличающим кассеты по хлопку –
Осколочные, минные, агитки –
И списанным по лишнему пайку,
Не тронутому с прочими в избытке...

Оставшимися в книжке записной
неназванными числами, резной
трехрядной завитушкой на форзаце
мы стали для простого большинства.
Оно скрепляет цифрами слова
и снимками газетные сенсации,
считает не по пальцам – по QR,
не человек – слежавшийся товар,
помят, непрезентабелен, просрочен,
продаже потому не подлежит
по меркам тела только – не души.
Она на двадцать два грамма рабоча,
закладывает внутренний протест
в тяжелый, но подъемный личный крест,
и собственник ее небезнадежен.
Оставшийся калякой на листе,
но духом необузданным везде –
и человеческим, и равно Божьим...

Как хороши
над пропастью во ржи
поля девичьи,
вызревшие в мае
зародыши
медвежьей черемши,
и всход пшеничный
луковый ломает,
поскольку тверд
и тянется к рукам
солдатских вдов,
кормилиц безутешных.
Утешный мертв,
он черенок венка,
росток Христов
не черемши – черешни,
и ягода,
донецкий уголек,
закрасит рот
кровавыми мазками.

Доест солдат
армейский сухпак,
на южный фронт
с российскими войсками
уйдет в обед,
насвистывая песнь
урагуса*,
сказителя Сибири.
И кто-то вслед
пошлет воздушный крест
под небеса
с молитвами о мире...

* Урагус, или длиннохвостый снегирь – певчая птица семейства вьюрковых.

О чуде мира Бога не проси,
проси, чтобы домчали балабасы* –
варенье, сигареты, апельсины,
артиллерийские боеприпасы;
проси не по субботам ПХД** –
они медлительны и мясопустны;
о проливном живительном дожде
в июне в каждом русском захолустье.
Проси самоотверженной любви
и памяти о ней неугасимой.
Чтоб мимо лысый черт и херувим
(Он знает, чаша эта проносима).

* Балабасы (*армейск. жарг.*) – что-то вкусное, нужное, ожидаемое.

** Парко-хозяйственный день (*сокр. ПХД*) – в армии день недели, выделяемый для наведения порядка на закрепленных территориях и объектах, обслуживания техники и решения других хозяйственно-бытовых вопросов.

Чтобы текли вечерние часы,
разжевывая воздух вполнакала.
О чуде мира Бога не проси –
тут мира нет и вовсе не бывало...

не воином еще и не солдатом –
ребенком, сочиняющим июнь,
большими васильковыми глазами
следящим за приемными часами
в мальчишеском неопытном раю?
Где звонко заколачивают баки
дворовые друг другу забияки,
хвалясь своим наклейным добром,
суровыми отцами с фотографий,
конечно, из полиции и мафии,
и каждый – положительный герой.
Рисуя на расползшемся асфальте
полуденное солнце в циферблате
и неба раскаленного овал
проходим любознательным на диво.
А был ли мальчик?

Был, и жизнь любил он,
гляди, как хорошо нарисовал

безоблачное песенное детство,
жило где слава Богу и по средствам,
и большего никто бы не спросил;
там мальчики взрослеют и мужают,
цветными обводя карандашами
края необозримые Руси.
Расчерченные контурные карты
останутся на старых школьных партах
немым напоминанием о них –
мальчишках, повзрослевших
слишком рано
до рядовых и вскоре – ветеранов
неназванной как будто бы войны...

Ни купороса горького, ни труб –
разлита медь по раннему июню.
В нем солнца изнуряющего рубль
поляну выторговывает в дюну.
Блестит она, иссохшая, кляня
растекшиеся желтые металлы,
металлы – прародители огня
и боевых сверкающих медалей,
снарядов бронебойных и машин,
веснушек на солдатских юных лицах.
Они там охраняют рубежи,
пока тебе в жару совсем не спится,
пока твои неважные дела
и Бог к тебе, хорошему, придирчив.
По ком звонят его колокола
из меди и считаются по-птичьи
года в расформированном лесу,
не медью солнца выжженном намедни.
Пока ты спишь, вершится Божий суд
над миром из кимвалов или меди...

Весна уйдет... не сквернословь вдогонку,
она свое отведала сполна.

Одну на сотни тысяч похоронку
прислала ей трехлетняя война –
девчонка с огнестрельными глазами
и пепельной растрепанной косой.

Надутый мяч ее упал и замер,
как целый мир, над лесополосой,
как новый день, не прожитый по сути –
с утра одно, другое ввечеру,
весна – война – события и люди –
порочный замыкающийся круг.

В нем мается девчонка, мяч роняя.

Не тонет он, хоть плотность велика.

Весна уйдет... придет взамен другая –
Победы и Последнего звонка...

Их ей возводить до конца
и последнего вздоха,
На жженный кирпич
наносить штукатурный раствор,
Чтоб крыша земли,
над людьми занесенная Богом,
Щитом опустилась
на русский намоленный двор.

Ударят по чердачным витражам
порывистые майские циклоны.
Мир – бесперечь вращающийся шар –
военные распустит эшелоны.
В бревенчатые отчие дома
отбудут отставные пехотинцы,
еще один приблизившие май,
еще одни сберегшие границы.
И время, обреченное терять,
конечную пропустит остановку.
Встречающие выстроятся в ряд –
объятия возьмут на изготовку,
перроны годовалые топча.
– Ну, здравствуйте, целованные Богом.
Мир наш, хотя победа в нем ничья –
потерь для церемоний слишком много...

Дневное солнце – краткая побывка
На русском фронте грозových осадков.
Мир прежний собирает по отрывкам
Донецкая солдатская тетрадка.
И буквы заполняют ее клетки,
Рождая символические смыслы.
За ними отправляются в разведку
Герои – положительные числа,
Нашитые на гладкие шевроны
Согласно канцелярскому учету,
Послушники гражданской обороны,
Не списанные с воинского счета.
Готовятся к решительному бою,
Такой тут каждый первый на поверку.
От Бога возвращаются вновь к Богу,
От первой мерки до последней мерки...

Где разливалась талая вода,
Деревья где – единственно большие,
Российский безымянный вез солдат
Грядущий праздник в боевой машине,
Дорожные ухабы понося
На чем стоит вечерний свет в глубинках.
Весна, переродившаяся вся,
Последние справляла тут поминки.
И вот он май – весь в красном полотне –
Встречает воротившихся парадом.
Везет солдат победу по весне –
От фронта самого до каземата.
И кузов перегруженный, просев,
В колдобины впечатывает шины.
Солдат – нетерпеливый Одиссей –
Несется, не щадя своей машины
И памяти от езженных дорог –
Мощных вен и глинистых артерий,
Их завещал когда-то русским Бог,
Как завещал, что каждому по вере

Воздастся и по праведным делам.
Считать их в мае – добрая привычка,
Солдат – предвестник мира и тепла,
Как по весне вернувшаяся птичка...

Всяк новый день в минувшие вплетать
тугой тесьмой – лиха беда начало.
Какая там особенная статья –
дежурная еще не отзвучала,
не вышибла из сомкнутых рядов
тебя ли/не тебя ли в камуфляже.
Но ты законы – Божий и Христов –
не выменяй на писанные вражди,
на лето на далеком берегу
и зиму на невиданном откосе.
Служи себе – год как фронтовику –
в рядах обороняющихся весен
в дивизии апостольских времен
в окрестностях, упершихся в погосты.
Здесь новый день не выставит знамен,
но знамение выставит апостол...

Великий пост встречает пост великих,
Земная твердь они и семя божье –
Татары, манси, русские, калмыки –
Стопа в стопу идут по Запорожью.
И мерзлый грунт,
 прогнувшийся под ними,
Запрячется в озимую пшеницу.
Одно на всех призвание и имя –
Солдат на государственной границе.
Земля в огне, он служит огнеборцем,
Но купина войной неопалима –
Одним перерождающимся солнцем
К утру, от вечера не делимом
В местах, сведен где к долгу
 всякий подвиг,
День новый отвоеван уходящим,
В Великий пост,
 за ним – армейский постриг
И мир – необратимо настоящий...

Военная весна уже на середине
Латает берестой древесную кору.
И свежая роса лежит на паутине –
Узорчатой кошме, постеленной к утру
Меж изумрудных трав разросшейся осоки
В некошенных полях, в нехоженных местах.
Там льются по стволам березовые соки
В земные торфяно-болотные уста,
Щебечут нараспев невидимые птицы,
И быстрая вода журчит по рукаву
О чем-то о своем, что притча во языцах –
Поди-ка разбери природную молву,
Звучащую теперь над Родиной весенней,
Одетой – по нужде и часу – в камуфляж.
Она торопит мир, и Вербным воскресеньем
Войдет он, как Иисус,
в евангельский пейзаж...

И русская весна рождает цвет в дубраве,
встревоженных сорок и быструю реку,
поляну молодых душистых разнотравий,
отвесивших поклон густому сорняку
и новому бойцу, крещенному в окопе,
таких тут через раз, иные не в чести.
Разноречивый взвод весь единоутробен,
его единый Бог на подвиг покрестил
в евангельскую ночь, солдат соборовала
серебряным лучом щербатая луна,
и круг ее, в воде расплывшийся овалом,
ни в склад напоминал, что кончится война,
ни в лад, слепя, светил в щетинистые лица,
огнями застилал окопанный Донецк.
И русская весна должна была случиться,
как принято у нас, с победой под конец...

Вновь лето собирается в запас.
Солдат его старался, но не спас
от срочного призыва боевого,
с ржаных полей на бранные поля. По
серебристым смятым ковылям идет
оно. Евангельское слово
вослед ему доносится из сел,
Россия одинаково во всем
родна ему и повсеместно любя.
Времянки, колеи и пустыри,
мужские/женские монастыри,
Авдеевка, Донецк и Мариуполь,
сухие переростки-камыши
и солнце, раздающееся вширь
над братскими погостами в июне,
над стоптанной беременной стерней
и этой неоконченной войной,
обещанного мира накануне...

Март – сочинитель света и цветов,
Взошедших из-под палой русской нивы.
Село мое – родимое гнездо –
Дерябой просыпается ленивой
И звоны рассыпает по зерну
Над этим отсыпавшимся местом.
Здесь пережили не одну войну
И обнадеживающие вести,
Потери (Кто их не переживал?).
Широк погост, тесны его покои,
Через одну тут женщина – вдова,
И дело бабье – всякое мужское,
Надежный тыл – приветливый порог,
Затопленная печка с изразцами,
И женский голос молвит, аки Бог,
«Во имя Духа, Сына и Отца их»
Над каждой стеариновой свечой,
От пагубы военной оберега.
И март здесь распускается еще
Единственно во имя Человека...

Пороги обивая болевые,
Не мертвые еще, но не живые –
По средним показателям – в строю
Собратья по евангельскому духу,
Вполглаза мы как будто и вполуха
Отчизну исповедуем свою,
Разбитую и жадную до плоти.
Отпущены грехи ей, на свободе
Цвести бы да вернувшихся встречать,
Но бьется с остановкой по привычке,
Земля моя – дневная электричка,
Вагонами пустыми грохоча,
Несется по ржаным зеленым рельсам
Составом, раскалившимся донельзя
Под солнцем, наступающим уже,
Встречают груз церковные пороги
И отпевалы местные при Боге –
Архангелы на божьем рубеже,

Парадно, но вполголоса по чести,
Верховный его жалует и крестит,
Дождями окропляя борозду
Земли моей, исхоженной и битой.
Но видит Бог, и Бог – ее защита.

Приснись солдату май без маеты,
Цветистой рябью вставший из-под снега.
Чтоб отвоеваны и обжиты
В нем земли были добрым человеком.
Чтобы росли дома, будто грибы,
На лобном разминированном месте,
Рассвет был тих, закат недвижим был,
Солдат – жених, вернувшийся к невесте, –
Встречал ее на подступах к селу,
Красивую и верную, конечно.
В ее глазах, как в божеском тылу,
Увидел он спокойствие и нежность,
Увидел целый мир с собой внутри,
Любимым и отмоленным когда-то.
Приснись, май, и войди в календари
Намаянного русского солдата...

Здесь новый год встречают в феврале
на вытертом замерзшем горбыле
обмятые за двое весен парни.

И елка их своим корням верна,
еще растет – что ей твоя война,
когда земля – испытанный напарник?
Удержит, от беды убережет,
рождением к ней всяк приворожен,
и худо от нее в дали нерусской,
еловую качает колыбель.

И смерти нет как будто после стрельб –
стихает лес окаменелый, пуст он,
река – и та, свой усмирив поток,
втекает чудодейственной водой
в зарю, перерождаясь скоро в росы.
И новый год военный, точно встарь,
заносится в рабочий календарь,
и весь он по-февральски високосен...

И сбудется весна – ко времени и месту
закончится война, распустится кандык*,
воротится солдат героем неизвестным
к неполным тридцати, уставшим и седым.
Воротится домой, в таежные глубинки,
где тихая река залечивает плоть,
где носят тополя зеленые косынки,
где виден каждый миг и слышится Господь
в рассветные часы, идущие без спешки,
где ветхое крыльцо рождает мерный скрип,
где вера так крепка, что не нужна надежда,
и ангел наряжен в воркующую выпь.
Где крестятся поля-младенцы
солнцем божьим,
взрастают белый лен и черная трава,
где раннюю весну встречает бездорожье,
а позднего бойца – лощеная Москва.

* Кандык – многолетнее травянистое растение из семейства Лилейных. Распускается ранней весной.

Весна моя, плетеная тесьма
Полей и рек – прокосов безымянных.
Дождись меня, как матушка письма
И яблонька в саду плодов румяных,
Срывающихся в сонную траву
От раннего медвяного налива,
Как длинный лук – тугую тетиву
Из коноплевой молодой крапивы;
Как ждет дождя прямая борозда,
Родящая пшеничные колосья,
Перроны – скоростные поезда
И «до» – предполагаемое «после»;
Как время, забывающее быль,
Ждет места, порождающего небыль,
Весна моя, дожждаться только бы,
Минуя смерть и войны позабыв,
Твой первый пробивающийся стебель...

У войны не женское лицо,
голоса не детские – тугие.
Карта мира – контуры рубцов
после неотложной хирургии.
Глубоки щербатые края,
надави – кровят еще обильно.
Карта мира сложена в боях,
на камнях – дорожных и могильных,
на полях, засеянных овсом
и травой, возрастающей без спроса.
Карта мира – черствый хлеб да соль,
да любительская папироса,
долгий день и ночь в короткий миг,
ветер, пробирающий до дрожи.
У войны в финале только мир
на земле да суд на небе божий...

И нет войны, и мира будто нет,
в морозы созревающий ранет
укроется сверкающей глазурью.
Сними ее – и яблока вкуси,
дочь грешная и грешный божий сын.
Падение вкусивших зарисует
февраль-иконописец на посту.
По белому холодному холсту
закружатся колонковые кисти,
и сложится евангельский сюжет
про то, что знают все давно уже –
одна из непреложных божьих истин.
Но время, заведенное бежать,
забудет, как заблудшая душа
ослушалась, и ей грехи отпустит,
прощение – прощание – покой –
вода, заговорившая огонь,
и нет войны, но тонок мир и грустен,

латает проторенные пути,
тела, переодетые в мундиры,
считает не победы, а потери.
Раскидистая яблоня в цвету,
и двое к ней по-прежнему идут,
она – из сна, и он – из артиллерии...

И каждый раз ступая по земле
Великой столь, что хочется заплакать,
Я пью ручей и ем в колосьях хлеб –
Зародыш поспевающего злака.
И солнечная тянется тесьма
Над этим нарождающимся полем –
Тут белый лен вырастает в красный мак,
Доносится с церковных колоколен
Негромкий мелодичный перезвон,
Глухую пробуждающий округу
Без маеты, без смерти и без войн.
От Бога унаследованный угол,
Завернутый в пеленку из травы,
Серебряными росами омытой,
Здесь место подчиняется живым,
А время – героически убитым,
И в горницах читается тропарь
Божественному образу прилежно.
Земля моя – звериная тропа
Да ранняя гронковая черешня –

Качает человеческий простор
Деревьевыми сильными руками,
И всходит над ладонями росток,
Ребенок будто, тянущийся к маме...

Да будет жизнь у смерти отнята,
Отмолена в последнюю минуту,
Минуй, снаряд фугасный, русский танк,
И возвращайся полным из атаки
По старому и доброму маршруту.
Верни в дома испытанных бойцов,
Богатырей без палиц и доспехов,
На старицу – родное озерцо,
Крестили где их дедов и отцов,
Где тише сторона, но звонче эхо,
И ласков притаившийся лесок
К входящему в священные чертоги.
Где нет ключей, поскольку нет засовов,
И время – не убежище часов,
А повод призадуматься о Боге.
Где лечат стены рваные тела,
А люди – искалеченные души.
Да будет жизнь – рождаться и пылать,
И две руки, как будто два крыла,
Не носят больше раций и оружий...

Занеси меня, Бог, в смысловые ряды,
Чтобы значил я что-то для мира,
Чтобы внутренний произрастал богатырь
И в солдата бывалого вырос,
Заведенного на строевые шаги
И на самый решительный подвиг,
Чтобы больше никто никогда не погиб,
Не пролил слез и жертвенной крови.
Чтобы был по-родному распахнут порог
И манил пирогами с капустой,
В наливные ряды занеси меня, Бог,
На земле-хлебородице русской.
Вопреки выжигающей почву войне,
Обрывающей зреющий корень,
Занеси меня, Бог, в незрелом зерне
В ряд проросших осмысленных зерен.

Пути Господни неисповедимы,
Как ни планируй – будущность вольна,
Какое поколение взрастим мы –
Зависимых или непобедимых –
Такое и опробует война –
Какая-то гражданская зараза,
Косящая и первых, и вторых,
И человек, как пушечное мясо,
На улицах ноябрьского Донбасса
Берет на человечность перерыв,
Закуривает. Бронзовые звезды
Сияют над разбитой головой,
Табачный растормаживает воздух,
Надеждой ударяя прямо в ноздри
Любому, кто пока еще живой
И помнит деревенские просторы,
Родителей у шаткого крыльца.
Пути Господни – крестные повторы
Апостольских времен и территорий
С начала и до самого конца...

Звезда моя, на небе ты ли есть,
Как именной и тяжкий русский крест,
На долю выпадающий ко сроку.
И светишь ли единственно тому,
Чье имя в серебрящемся дыму
Ты носишь в звездном справочнике
Бога.

Расписанном на скорый миллиард,
Звезда и человек в единый ряд
Занесены невидимой рукою,
Светить им заповедовал Господь,
Недолго и невыдержанно хоть,
Но сохраняя чистое людское
Во времени, замкнувшемся уже
На огневом исходном рубеже.
Тут носят звезды скромно на погонах,
Расцвеченное небо их в ночи
Снимает с засыпающих мужчин
И складывает с душами к иконам...

Русскому поэту

Вот те крест и вот тугие луки,
В русском поле сбиты сапоги,
Он плевал на Нобеля и Букер
И не вел аккаунта в Фейсбуке*,
Но земные множились враги
В целую враждующую стаю,
Трепа их хватило бы на век.
Красно солнце из дубовых ставен
Разливалось серебристым сплавом,
И писал о важном человек –
О бойцах невидимого фронта,
О фронтах, воюющих со злом,
Русским полем вскормлена свобода
Для непобедимого народа –
Истина, понятная без слов.

* Деятельность указанной организации запрещена в России.

Хороша бы жизнь, да неспокойна,
Лес дремуч, запрятан кладенец.
Рожь, пшеница, рис – родная тройня.
В русском поле отменяют войны –
Человек, писатель и боец.

Занавес поднимается к четверем,
кланяйся – что посеяли, то и жнем.
Крутится под подошвами божий шар,
улица неприкаянна, как душа,
путает след извилистый за тобой.
Чуда ли ждать иль уличный ближний бой
с новыми мальчуганами где-то за
стройками после каждого «че сказал?»,
лазаний по деревьям в чужом дворе
классами, чтоб половина на шухере.
Времени до взросления – через край,
с теми ли мы останемся, с кем играли
вместе на том же месте под занавес.
Крестим друг друга,
крестит нас Бог с небес...

И обернется лето ноябрем –
Из жара сразу в крепкие морозы,
Мы русские, а значит, не умрем,
Раз – плюнем, два – привычно разотрем
Стремительно пронесшуюся осень
В округе, неожиданно большой,
Как будто и нехоженой доныне,
Все будет непременно хорошо,
И за неразделенным рубежом
Не будет больше войн

в мирском помине.

Распустится российская зима
До времени, оно тут скоротечно,
Ноябрь переродится сразу в март,
И сложится армейский автомат
Навечно.

Иди на свет – не выжжет, так спасет,
Раздаст тепла положенную меру,
И, видит Бог – великий режиссер,
Все по делам воздастся да по вере.
Места под Ним – по здоровому уму,
По сенькам – подходящие шапки.
И дикий терн, родившийся в Крыму,
Не для венка, а для судакской бабки,
Уложится в бумажные кульки,
Они в полдня раскупятся у Качи,
И будет все по-русски, по-
людски, И мир наступит, и никак
иначе... Где осень навевает
крепкий сон, Тоскует пограничный
гарнизон
По дому, огороженному миром.
Затоптана звериная тропа,
Доносится не пение – стрельба
И окрик полевого командира –
Звонящий акустический надрыв,
Несутся тишь да гладь в тартарары
До чьей-то окончательной победы.

И ветер-подпевала голосит
Над всеми поселянами Руси
Стихами неизвестного поэта,
И, белые, цепляются они
За краешек крахмальной простыни,
Из облака воздушного как будто.
И осень, отоспавшись на боку,
Несет зиме последнюю строку
Зарянкой перелетной белогрудой,
Как весточку от русского бойца,
Он с Родиной до самого конца,
Ведут его дороги фронтовые.
В дождливый одевается сезон
Уснувший пограничный гарнизон,
Ждет мира он, как смены – часовые...

Не бойся зим, под камнем сим
Лежит божественная сила,
И Отче наш, иже еси,
Согреет мерзнущего сына.
Укроет отческой рукой,
Покуда пост нести солдату,
И снег рассыпанной мукой
Ему покажется к разряду,
Добром – мороз и буря – сном
С непроходящего похмелья.
«Роман плюс Юлия равно
Любовь» натопчет он на бели
Земли, беременной овсом
И героической победой.
Зима – последний марш-бросок
В войне отечественной этой.
Последний шаг, последний миг,
Аккорд прощальный, громогласный.
Не бойся зим, за ними – мир
Размахивает флагом красным...

Февраль, как сон до боевой тревоги,
латает тропы снегом голубым
и на хвосте назойливой сороки
разносит вихри, вести и мольбы
за каждого в потертом камуфляже,
смиряющего запад и восток.
На зимнем обезличенном пейзаже
солдат встает – налившийся росток –
срывается с посаженного места,
присвоенный заслышав позывной,
под ним хранит война его и крестит,
и он уже свыкается с войной.
Любя ее не за, а несмотря на,
мать крестную в брезентовом плату.
Война и мир идут, как прежде, рядом
друг с другом и с испытанным солдатом,
и спит февраль – один во всем году...

Сердечных ран моих не береги,
Октябрь-рекрут, горькая година,
И в свой черед в Мариновку войди,
Залей дождями и освободи,
Соедини с покоем воедино.
Не мне ее, далекую, воспеть
И уберечь от хвори да от хмари,
Но Русь моя – испытанная твердь,
Всечасно побеждающая смерть,
Чтоб прорастали вновь Иван-да-Марьи,
Ромашки, Ветреницы, Зверобой,
Ростки земли, удобренные кровью, –
Мужая, принимает смертный бой,
По-русски, не робея, ибо Бог
Хранит ее с отеческой любовью...

Вдыхая жизнь до самого конца,
Спроси ее о том, что будет после,
Неторопливым голосом бойца
Спроси ее, тринадцатый апостол.
О времени, несущемся стремглав
По этим заплетающимся стежкам –
Песчаным следам чьих-то ног и лап,
Не тронутым сегодняшней бомбежкой.
О без вести пропавших и иных,
В намоленные веси занесенных,
Спроси ее, каков исход войны
И Бог нас, береженных, вновь спасет ли
От гибели – она повсюду тут
Курганы погребальные возводит.
Спроси ее про жизнь, отважный дух,
На боевом оставшийся посту
Один в уже безмолвном
русском взводе...

Когда замкнется дымное кольцо
И сыновья, достойные отцов,
Примерят полевые камуфляжи,
Горячий снег пристанет к сапогам
Разбитого на подступах врага –
Кого-то из чиновничьих бумажек,
К утру переоформленных уже
С учетом обнаружившихся жертв,
На смену скоро им представят списки,
И снова бой – кого-то с кем-то – за
Лежащее на божеских весах,
Но высеченное на обелиске.
И новый день, впечатанный в гранит,
Кого-то по-отечески хранит,
Иные остаются в дне минувшем,
И, размыкаясь, дымное кольцо
Отпустит в мир оставшихся бойцов,
Во все четыре сотни деревушек

На карте отвоеванной страны,
Вернутся повзрослевшими сыны –
Прогнутся деревянные пороги,
Приветит дом солдата своего,
И заново случится Рождество
Для каждого, кто вымолен у Бога...

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Керимова Динара Фикретовна

СТИХИ